

ВОСПОМИНАНИЯ О МОИХ БЛИЗКИХ И О МОЕМ ДЕТСТВЕ

После возвращения из Америки деда Боря, Борис Абрамович Капшицер, видимо, сначала работал на строительстве винокуренных заводов где-то в глуши, а затем принял участие в строительстве павильонов на Нижегородской ярмарке, которое осуществлял Металлический завод из Петербурга. Это были первые сооружения из сборных металлических конструкций. Как раз этой работе дед учился в Филадельфии. После ярмарки руководители строительства предложили деду работу в Петербурге на Металлическом заводе. Дед согласился, это было в то время очень важно, т. к. евреи не имели права жительство в Петербурге, а такая работа давала это права и ему самому и его семье. В это время дед был уже женат.

История его женитьбы очень романтична. Он вместе со своим братом Яковом ехал на поезде в Симбирск. Проходя по вагонам, они заметили двух барышень и постарались завязать разговор. Выяснилось, что барышни едут из Москвы к родным в Симбирск в гости. Поговорив, братья распрощались и пошли в свое купе. После недолго молчания дед сказал брату: «Ты обратил внимание на девушку, которую зовут Татьяна? Я на ней женюсь!» В Симбирске он сразу же через общих знакомых нашел родственников девушки, нанес визит и через несколько дней сделал предложение. Бабушке Тане в это время было 18 или 19 лет. Может быть, она тоже полюбила деда с первого взгляда, не знаю, но она ответила ему согласием, вышла за него замуж и очень любила его всю жизнь.

От завода дед производил самые разные работы, часто это бывало в глуши, вдали от железной дороги. Дед любил лошадей и хорошо ездил верхом на стройку и по делам. Бабушка была настоящая московская барышня из очень

религиозной семьи, в которой, в отличие от дедушкиной семьи, строго соблюдались все религиозные правила.

Рожать мою маму - первого ребенка - дед увез жену к её родным в Москву заранее. Мама родилась до срока семимесячной, потом, взрослой, смеясь, говорила, что многие гении рождались семимесячными. Отец бабы Тани, как кантонист, имел право жительства в Москве, но его замужняя дочь такого права не имела. Вскоре после рождения мамы в дом пришел полицмейстер и велел через неделю уехать из Москвы. Где родилась вторая дочь Ольга, не знаю.

Дед, конечно, мечтал о сыне. Когда родился третий ребенок, к нему приехали на стройку и сказали, что родился сын. Не помня себя от радости, дед вскочил на коня, которого, как и всех коней, звали Васькой, и поскакал домой, где узнал, что у него родилась третья дочь, которую называли Надей. Малышка жила недолго и вскоре умерла, а бабушка после этих родов болела, и больше детей у них не было.

Дед много рассказывал о своей работе, которую он очень любил. В основном, в то время дед строил мосты. Самой крупной работой был Большой Сызранский мост через Волгу, другие мосты были меньше.

Примерно с 1903 года семья почти постоянно жила в Петербурге, но иногда выезжала с дедом на стройки. Я не знаю обо всех их квартирах, мама рассказывала только подробно о квартире на Симбирской (теперь Комсомола) улице. Район был совсем не богатый, напротив их дома была тюрьма "Кресты", но сам дом был очень хороший и, самое главное, недалеко был Металлический завод и дед мог быстро приезжать домой обедать. Среди крупных работ деда до революции было также строительство моста Петра Великого (Большеохтинский), на котором дед монтировал разводную часть. Если учесть, что у деда было окончено только то, что сейчас называется ремесленное училище, то становится ясно, что он был очень способный человек. Кроме всего он очень любил работу, жил ею.

Эти подряды, конечно, приносили доход, который сделал деда не богатым, но состоятельным человеком, который мог помогать родным, помогать матери, т.к. его отец перестал давать бабушке деньги на хозяйство, сказав: «А теперь

пусть тебя дети кормят». Дома у девочек всегда были гувернантки, зимой брались абонементы и в оперный театр, и в МХАТ, который приезжал с гастролями, зимой на каникулах выезжали в Финляндию (Мустамяки) в пансионат, а летом уезжали или в Гунгенбург (Усть-Нарва) или также в Мустамяки. Девочки катались на велосипедах, играли в теннис, учились в Аннен-школе. Бабушка очень любила театр и ходила на все известные спектакли.

Февральскую революцию дед встретил с энтузиазмом и, когда шведские инженеры, с которыми дед работал вместе, звали его уехать с ними в Швецию, обещая работу, он ответил: "Ну что Вы! Здесь ведь только начинается все самое интересное!" Началось действительно, и потом дед говорил: «Попали в цель истории». К этому времени дед владел в Петербурге тремя домами, был и капитал. Естественно, что после октябрьской революции дед всё потерял, но никогда он не жалел о потерянном. В 1917 году он отправил семью в Симбирск к родным, а сам продолжал работать. В гражданскую войну он в основном восстанавливал разрушенные войной мосты через Волгу. После войны вся семья в 1922 году переехала в Москву. Дед кроме обычной работы вступил в общество Анрубат. Это было время нэпа. Группа еврейских дельцов организовала так называемое Анонимное Русско-балтийское товарищество.

Я не знаю, чем занималось это общество, но видимо оно приносило хороший доход. Дед купил большую квартиру на Мясницкой, шикарно обставленную, фарфор и т. д. Но, как известно, с нэпом было довольно быстро кончено, и все члены Анрубата были арестованы, все кроме деда. Он то ли что-то предчувствовал, то ли так сложились обстоятельства, но немного раньше уехал в Закавказье, где от Металлического завода начал ставить первые в стране радиомачты. Вместо него арестовали бабушку, и она месяц просидела в Бутырке. Мама каждый день носила ей передачи, тётя Лёля боялась заразиться и оставалась дома. Так как за целый месяц от деда не было никаких сведений, то, видимо, решили, что бабушка действительно не знает, где он находится; и ее выпустили после месяца, во время которого бабушка с дочерьми жили в каком-то вагоне, который им предоставил завод, они потихоньку выехали на Кавказ.

Конечно, все было конфисковано, дед снова потерял всё, что приобрел, но не огорчился и был рад, что все снова вместе. Первым местом его работы стало Баку. Он применил новый по тем временам метод установки высоких мачт.

Жили всей семьёй в Баку, а на лето снимали дачу в Мардакянах. Не знаю, там или в Баку они снимали комнаты в турецкой семье.

Однажды на установку мачт под Баку приехал Киров. Работа ему очень понравилась, и он сказал деду, что скоро переходит на работу в Петроград и спросил, когда на Металлический завод думает вернуться дед. Дед набрался храбрости и рассказал Кирову всю историю с Анрубатом. Киров обещал деду, что он сам разберется с этим делом и поможет деду вернуться в Петроград. Так оно и вышло. Уже в 1924 году дед с семьёй приехали в Петроград. Дед пару раз очень хорошо отзывался о Кирове, как о человеке знающем и честном.

Дед купил квартиру на Кировской улице у жены какого-то сенатора. Квартира наша была чудесная: пять больших комнат и одна маленькая при кухне, сама кухня - очень большая.

Как и раньше, самым главным для деда была его работа. В эти годы он ставил радиомачты в Ереване и в Тбилиси. В Тбилиси он познакомился с двумя семьями - Умиковых и Зильберберг. В это время была безработица, и его попросили помочь найти работу их сыновьям, которые в это время заканчивали институты. Умиков переехал в Ленинград, а папа [Зильберберг] после окончания Московского института инженеров путей сообщения отработал на строительстве в Лихославле, а потом тоже переехал в Петербург и стал работать на Металлическом заводе. В 1928 году папа с мамой поженились. Примерно в это же время папа с дедом от завода стали строить или реконструировать форты в Красной горке и Белой Лошади.

Примерно в 1930 году дед понял, что уплотнения квартиры не избежать, и предложил одному своему знакомому Сабуренкову занять две комнаты. К этому времени у нас уже жила дедушкина мама Бабулька, она жила в комнате рядом с кухней. Сабуренковым отошел и парадный вход, а мы стали ходить по «черному», через кухню. Но до войны "чёрная" лестница была очень чистой, даже уютной.

Я помню деду Борю до войны веселым, благополучным, моложавым, с холеным лицом. Он много с увлечением работал, видели мы его только по выходным. Он звал меня с моим двоюродным братом Левой к себе по утрам, мы ложились в постель по обе стороны от него, и он с увлечением рассказывал нам о своём детстве. Это были замечательные рассказы, к сожалению, я запомнила не очень много. Каждое лето, вернее осенью, дед уезжал в санаторий на юг. Приезжал он отдохнувший, загорелый, элегантный в своем светлом парадном костюме и обязательно привозил нам в подарок по большой коробке шоколадных конфет с щипчиками и шоколадные "бомбы" - шары, внутри которых были какие-нибудь маленькие игрушки.

Благодаря деду мы, может быть, остались живы. Детей со школами должны эвакуировать на запад. Дед сказал, что это безумие увозить детей на встречу врагу, и не разрешил нам ехать. Мы уехали с эшеленом заводских детей, и, самое главное, главным врачом эшелона была моя мама!

Вскоре завод тоже эвакуировался сначала в Верхнюю Салду, затем папа перевелся в Молотов (Пермь), и мы переехали вместе с ним. Бабушка не хотела уезжать, говорила: "Хочу умереть на своей кровати", но дед сказал: "Это ты всегда успеешь", и она согласилась. В Молотове дед много работал в первую военную зиму, но потом заболел. Во вторую зиму дед так же энергично, как все, что он делал, стал ездить по окрестным деревням и менять вещи на еду.

Вижу его перед собой - в ватничке, в валенках, с рюкзаком за плечами, раскрасневшийся, он с удовольствием вынимает круги замороженного молока, баночки с топленым маслом, мешочки с мукой. Мы голодали в первую военную

зиму, конечно, не так как в блокаду, но я помню постоянное чувство голода.

Хлеб мы называли "тортом". Бабушка строго делила его на всех, и дедушкину порцию клали до его прихода в тумбочку. Он приходил и спрашивал: «Ну, как сегодня, есть мне кусочек торта?», и мы с радостью вытаскивали ему хлеб. После первой зимы и я, и Лёва заболели тяжело, нужно было питание, и дед на пароходе поплыл куда-то в Чистополь. На обратном пути, на пристани его арестовали и посадили в тюрьму за "спекуляцию". Он просидел месяц, а потом по суду был освобождён, и нам даже вернули конфискованные продукты. Думаю, это произошло благодаря маме - она была заместителем главного врача медчасти завода, очень уважаемым и известным человеком, да и юрист была хорошая - тоже ленинградка. За войну дедушка очень постарел, похудел, но был таким же энергичным и предприимчивым человеком, как и всю жизнь.

В первые годы после войны дед ездил пару раз в дом отдыха в Зеленогорске, мы даже втроем с мамой ездили на Рижское взморье, где впервые лично познакомились с Петром Крупниковым - сыном дедушкиной любимой сестры Марии. Петя нашел нас, кажется, только в 1946 году.

Дед ещё ходил изредка в Михайловский сад играть в шахматы около беседки Росси, пару раз мы ходили с ним вместе в театр, ему хотелось показаться со взрослой внучкой, он вел меня, держа как то особенно под руку, иногда давал какие-то советы. К 1950 году дед уже мало выходил на улицу, а выйдя, сразу же останавливался и принимал нитроглицерин. Улыбаясь, он говорил: "Поджимает". Пенсия у него была очень маленькая, как у всех в то время, и дед почти до последнего дня работал дома на маленьком револьверном станочке, который он установил в маленькой комнате при кухне, он вытачивал для артели надомников велосипедные нипеля. Как все, что он делал, он и эту работу делал с энтузиазмом, покупал с рук на толкучке хороший инструмент, спец. смазку и т. д. Станочек этот он любовно называл «Васькой».

Последний всплеск дедушкиной энергии был перед денежной реформой, которую ждали и старались хоть как-то сохранить деньги. Скупалось тогда все. Выиграли при этой реформе только те, кто держал деньги в сберкассе и у кого сумма вклада не превышала 3000 рублей, они получали всё полностью, большие

суммы получались с коэффициентами. Хуже всего было тем, кто держал деньги «в чулке», их меняли 1 к 10. После этого отменили карточки, и в магазинах появилось много продуктов, по крайней мере, в Ленинграде.

Дед очень переживал все политические новости, аккуратно читал газеты и говорил, например: «Ну, в китайцах я уверен. Это всегда будут наши друзья».

Дед был довольно мнительным, и, когда у него нашли опухоль простаты, был уверен, что это рак, переживал, это, конечно, отняло у него кусок жизни. Он лежал у мамы в больнице и очень радовался, когда я приходила его навещать, говорил с гордостью соседям по палате: «Вот моя старшая внучка, студентка». Дома мы иногда по вечерам играли в карты, и он однажды очень обиделся на меня, когда я, выиграв немного, сказала: «С паршивой овцы хоть шерсти клок». В доме уже бывал Ваня, дед играл с ним в шахматы, хорошо к нему относился, но зная о наших планах пожениться, был против и говорил мне: «Ваня хороший человек, но ведь в жизни могут быть такие ситуации, когда придется становиться на сторону какого-то определенного народа, как тяжело будет тогда вам, а особенно вашим детям».

Последние годы жизни дедушки были очень тяжелыми. Из-за болезни сердца он мог спать, только полусидя, но часто сползал, и мы по два-три раза за ночь должны были вставать и поднимать его на простыне вверх. Меня знали во всех ближайших аптеках, я меняла там очень часто подушки с кислородом. От лекарств и кислорода у дедушки начался сильный стоматит, он с трудом мог есть. Также он очень мучился из-за водянки. Мама очень любила отца и переживала, что она как врач не может ему помочь. По ночам она без конца читала медицинские книги, и, просыпаясь, я видела её, склонившуюся над книгой, а лицо её было залито слезами. Они были действительно близкими людьми, и для мамы, и бабушки это была особенно тяжёлая потеря.

Последним большим начинанием деда до войны была дача в Мельничном Ручье. Заводу выделили большие участки. Наш был на углу Гейфелевского проспекта и ул. Льва Толстого. Вместе с участком Шифриных он занимал целый квартал. Сначала построили два маленьких, но тёплых и благоустроенных домика, которые называли почему-то "Биробиджан". Потом стали строить

большую дачу. Завод помог и с материалами. К лету 1941 года дача была почти готова. Папа, который также принимал активное участие в строительстве, спроектировал удобный дом с тремя комнатами и кухней внизу, с двумя большими, застекленными верандами и с двумя комнатами с балконами наверху. Всем было бы хорошо и просторно в этом доме. Уже начинали настилать полы, и мы с Лёвой вытаскивали мусор из-под дачи, зарабатывая по копейке за ведро на мороженое.

Прекрасно помню, как мимо нас проехал на велосипеде наш сосед и крикнул: «По радио выступил Молотов. Гитлер напал, война!» К вечеру мы уже переехали с дачи в город. Немцы не дошли до Мельничного Ручья, но дача всё равно не сохранилась. Говорили, что её разобрали солдаты на блиндажи, это было бы не так жалко, но потом уже рассказывали, что её просто кто-то разобрал на строительный материал. Как и все предыдущие приобретения деда, и это просто не осуществилось. К счастью, он умел терять и никогда не горевал о потерях. Он был человеком, безусловно, очень незаурядным, и мне очень жаль, что я мало говорила с ним и не узнала многого из его жизни, о чём он мог и, я думаю, охотно бы рассказал мне.

Бабушка была совершенно другим человеком. Очень сдержанная, она редко рассказывала что-нибудь о себе. Её отец, Исаак Вербальский, был кантонистом. Из его послужного списка видно, что, во всяком случае, в последние годы, служба его в армии была не очень обременительной. Не знаю, где он выучился, но он был квалифицированным столяром и имел в Москве, в которой он, как кантонист,

имел право жить, небольшую мебельную мастерскую. От первого брака он имел дочь, которая во время войны вместе с невесткой и внуками погибла в Харькове. Первая жена умерла, и тогда он женился на близкой родственнице первой жены (сестре?) из Варшавы. Прабабушка была молода и очень красива. Прадед и она были людьми глубоко религиозными. У них было шестеро детей, и врачи не разрешали ей по состоянию здоровья иметь ещё детей. Но из-за религиозных взглядов она не могла ничего предпринимать и умерла в родах. Перед смертью она подозвала бабушку, которая была старшей, ей было 12 лет, и сказала: «Таня, я умираю, оставляю детей на тебя. Будь им за мать». Всю жизнь бабушка выполняла это завещание. Даже в последние годы, получая за дедушку крошечную пенсию, она делила её между двумя сёстрами, тётёй Олей, которая жила с нами, и тётёй Соней, которая жила в Москве, обе не имели ни копейки своих денег. После смерти второй жены прадед женился в третий раз на женщине с взрослой дочерью. Хотя у бабушки с дочерью мачехи были отношения неплохие, но с самой мачехой, видимо, что-то не сложилось. В общем, бабушка была рада довольно рано выйти замуж и уйти из родительского дома. В последние годы жизни прадеда парализовало, ухаживала за ним тётя Оля, на жизнь зарабатывали, сдавая комнаты в квартире студентам. Помогал, конечно, и дед. Прадед умер, видимо, в начале гражданской войны.

Хотя баба Таня окончила только начальную школу, она любила и много читала, очень любила театр. Об этом я знаю только по рассказам, при мне бабушка в театр не ходила, но читала много и обязательно каждый день читала газеты. Телевизор в последние годы жизни в доме был, но она не особенно любила его смотреть. Конечно, до революции в доме были горничные и кухарка, а после революции до войны всегда были домработницы, но бабушка умела всё делать в доме и была хорошей хозяйкой, но, видимо, не любила этого и говорила мне: «Чем позже ты займешься этим грязным делом, тем лучше для тебя». Она никогда ничему меня не учила и, когда ей уже стало трудно готовить, и я начала вести хозяйство сама, я зашла как-то к ней и спросила: «Бабушка, как ты делаешь грибной суп?» Она ответила: «На плите».

Бабушка умела шить и до войны шила мне летние платья. Они все были одного фасона, который назывался Татьянкой. Шила она очень долго, мучая меня примерками. Со мной и Лёвой она была спокойно-строгой, никогда не целовала, не гладила. За столом мы должны были сидеть прямо и спокойно, и обязательно съесть всё, что положили на тарелку. Она говорила: "Вы тут капризничаете, а бедные дети в Испании (шла гражданская война в Испании) часто не имеют даже хлеба". Бабушка никогда не кричала на нас и, конечно, как и все, не шлёпала, но я думаю, что мы были довольно спокойными детьми и не давали особенных поводов к этому.

В доме был строго заведённый порядок: по определенным дням приходила прачка, по определенным дням тщательно убиралась квартира, на лето снимались и упаковывались с нафталином тёплые вещи и ковры и т. д. Бабушка очень экономно вела хозяйство, особенно после войны. Видимо, она считала, что она не вносит денег на хозяйство и этой экономией как бы приносит доход.

Когда бабушке было 83 года, у неё образовалась опухоль в середине груди. Мама очень боялась, что это рак позвоночника, положила бабушку к себе в больницу на обследование и вдруг из опухоли потекла какая-то жидкость.

Оказалось, что это был туберкулез грудины. Дома было просто ликование. Бабушку положили в туберкулёзную больницу в Пушкине, мама ездила к ней каждый день после работы, а ведь ей было уже 62 года. Бабушка была в больнице полгода и выписалась здоровой, только от лекарств она стала плохо слышать. Когда её привезли в больницу, врач сказала: «Говорили, что привезут старушку, а привезли пожилую красивую даму». Действительно, бабушка до старости сохранила красоту. Видимо, в последние годы она часто плохо себя чувствовала, но никогда не лежала долго в постели, говоря: "Ляжешь - не встанешь". От какой-то болезни её согнуло, и она с трудом ходила по квартире, Ваня даже хотел сделать вдоль стен в коридоре поручень, чтобы ей легче было ходить, но так и не сделал.

Почти до самого конца она готовила, передав часть мне, и только в день рождения, когда ей исполнилось 90 лет, сказала: "Кухарка подаёт в отставку". У бабушки был хороший вкус, и она до последних дней шила себе почти каждый год новое платье. В середине мая 1970 года она заболела и не могла сама встать с постели. Когда я помогала ей и утешала её, как могла, она сказала мне: «Не хочу жить!» И на лице у неё было такое отчаяние. Еще до болезни она часто повторяла: "Старость это такая гадость". Её положили к маме в больницу и, хотя делали всё возможное, ей становилось всё хуже, когда я пришла к ней, она лежала, закрыв глаза, и не сказала мне ни одного слова, хотя я говорила с ней, гладила ей руки. Когда я ушла, и к ней подошла мама, она спросила её: «Что

Тусенька ушла совсем?» Вообще она не хотела видеть никого, кроме мамы, звала только её, чем очень обижала тётю Лёлю. Последний раз я видела бабушку, когда она была уже без сознания.

Похоронили её не рядом с дедом, чего она хотела всегда, т. к. на еврейском кладбище в это время не разрешали подхоранивать, а на кладбище 9 января - близко, но не рядом. Она была не похожа ни на одну из своих сестёр и была человеком непоказной доброты и удивительного чувства долга. Она очень беспокоилась о сёстрах; особенно о тёте Оле и в больнице говорила

маме: "Бедная Ольга", зная, что никто из нас её не любит, и жалея её. Бесконечно жаль, что я так мало говорила с ней, спрашивала её, не смогла стать ей близким человеком. Она очень радовалась, что её первого правнука назвали Борисом, как дедушку, любила Бориску, впрочем, как и Митеньку. Не знаю, какой они запомнили её.

Папа, Лев Фердинандович (Лейб Фроймович) Зильберберг, родился в Тирасполе, но очень скоро семья переехала в Одессу, где его отец был "биндюжником", а баба Поля держала маленькую лавочку. Я не знаю, где они жили в Одессе, хотя, когда они с мамой были там, папа показал ей их дом. О бабе Поле я знала только, что во время погромов 1905 г. ей сломали обе руки. У папы был старший брат Александр и младшая сестра Екатерина. Папа учился в еврейском коммерческом училище и рассказывал, что, как лучший ученик, он получал высокую стипендию, 100 золотых рублей в год, и на эту сумму смогла учиться в гимназии его сестра, да и всей семье было гораздо легче жить. В дальнейшем папа всегда, почти до самой смерти, помогал родным, как правило никогда не получая за это никакой благодарности. Он вообще был человеком необыкновенно добрым. Папа обладал абсолютным слухом, был очень музыкален и в молодости любил играть на скрипке. Ему говорили, что он бы мог стать большим музыкантом, но маленьким ребенком он упал на горящую печку, и вся правая ладонь была стянута шрамами. Когда началась война 1914 года или раньше, семья переехала в Тифлис. После окончания училища папа был вольноопределяющимся, болел сыпным тифом и испанкой. Был в подпольном движении меньшевистской партии в Грузии и какое-то время сидел в Тбилиси в

тюрьме, но, когда после окончания гражданской войны, захотел уехать в Москву продолжать учёбу, его исключили из партии за карьеризм.

Учился папа в Московском институте инженеров железнодорожного транспорта на строительном отделении и после окончания работал три года в Лихославле, а затем переехал в Ленинград и начал работать вместе с дедом на Металлическом заводе. По словам мамы, их брак был браком по расчёту, т. е., видимо, был основан на большом взаимном уважении, понимании характеров и склонностей друг друга. В той их совместной жизни, которую я наблюдала, это был, по-моему, идеальный брак. Ни разу я не слышала не только ссоры, но даже повышенного тона, или выражения недовольства. Папа вел себя, как настоящий мужчина, который понимает, заботится, ценит и любит свою жену. Деньги у мамы не держались в руках, она тратила их на нас, принося в дом радость неожиданными сладостями, подарками, чем-то большим, чем необходимое. Папа никогда не упрекал её за это. Когда наступало время отпуска или надо было делать какие-нибудь крупные покупки, мама виновато говорила: "Лёвушка, у нас на это нет денег", а папа говорил, что деньги есть, т. к. он откладывал всю премию. Я обожала маму, но в детские годы меня воспитывал папа. Мама в это время работала в клинике у профессора Ланга, который очень хорошо к ней относился и считал, что из неё получится большой ученый. Мама задерживалась на работе и часто, просыпаясь, я видела разложенные на полу диаграммы и плакаты, которые папа помогал маме готовить к очередному докладу. Папа научил меня читать, он смеялся, что я всё время ходила за ним и просила: "Папа, поче, поче," - и ему ничего не оставалось делать, как научить меня читать. Папа действительно много читал нам с Лёвой вслух. Помню, как он прочёл нам "Руслана и Людмилу", которые произвели на меня такое впечатление, что я просто разрыдалась, напугав папу. Папа ходил с нами гулять, рассказывая немного по истории города, учил нас ходить на лыжах, а летом пробовал учить плавать. Но однажды, когда мы жили на даче в Токсово, я стала тонуть в озере, и папа вытащил меня из воды. Я не помню этого, но страх перед глубиной остался, я плавала только на мелководье, с надутой наволочкой в руке.

Папа приносил мне детские книги из библиотеки "Гипроэнергопрома", куда он перешел работать. До войны у нас в доме было мало книг, только три тома

Шекспира, в роскошном издании "Золотой библиотеки", которые я очень любила рассматривать, трехтомник Пушкина; по подписке приносили в картонных коробках «Большую Советскую энциклопедию» и маленькие зелёные томики Мопассана. Уже позже меня подписали на "Мурзилку", а потом на "Костёр", в котором я прочитала с большим увлечением "Два капитана".

Папа также приносил мне книги Жюль Верна, Майн Рида, которые я "проглатывала" с наслаждением. На этой работе папе давали в подарок к Новому году наборы прекрасных, как мне казалось тогда, ёлочных игрушек. Папа очень увлекался фотографией, много снимал нас, потом надолго закрывался в ванной, проявлял, печатал, и часто получались фотографии, которые мама называла: "Ночь в Каире", но теперь только благодаря этим фотографиям мы можем увидеть всех нас до войны и нашу любимую квартиру на Кирочной.

Папа работал хорошо, но не был увлечён работой, как дед, а много времени уделял семье. Я родилась у них на третий год брака и больше детей не было, хотя мама говорила, что они хотели ещё детей, и, видимо, поэтому папа называл меня: "девочка - подарок", и, хотя он ясно понимал, что на первом месте у меня всегда была мама, никогда не бывал этим несколько не доволен, может быть, потому что он сам очень любил маму и говорил: "Ты свет нашего дома", - и это действительно было так. Папа всю жизнь заботился о своих родных. Есть письма из Тбилиси, в которых его благодарят за присланные деньги и просят о разном. Каждое лето к нам в мае приезжала его мама - баба Поля, т. к. в Тбилиси было очень жарко, и жила у нас в городе и на даче до осени.

Когда началась война, завод эвакуировали на Урал, в Нижнюю Салду. Папа по дороге заехал за нами - мамой, Лёвой и мной в деревню Миголощи, в 20км от станции Хвойная. Помню, как папа приехал на подводе и привёз мне в подарок шоколадку, ведь это было 25 июля. Мы доехали до станции на подводе, а потом ехали в теплушке. В ней было много людей, помню двух девушек-латышек, пионервожатых, они почти не говорили по-русски и были рады, что могли поговорить с мамой по-

немецки.

Я очень боялась вылезать из теплушки, потому что она могла в любой момент тронуться, а вылезать было надо по большим и маленьким делам. И вот один раз только я присела между вагонов, поезд тихонько пошёл. Хорошо, что папа был рядом, он закинул меня в вагон и сам прыгнул на ходу. Я плохо помню, Нижняя Салда была в то время маленьким городком, в котором было только два многоэтажных дома: дом инженеров и "дом нормального типа". В одном из них мы получили комнату в трехкомнатной квартире на первом этаже. Это было хорошо, т. к. другие получали комнаты в частных домах, как подселенцы.

Мы стали ходить в школу, но об этом я ничего не помню. Видимо, завод никак не мог наладить работу, и папа писал в Москву, прося новое назначение. Его направили в город Молотов (Пермь), он выехал туда, а спустя несколько недель выехали и мы все.

В Молотове нам дали комнату в четырехэтажном доме на четвёртом этаже. В доме было три подъезда, и наша комната находилась за последней лестницей. Там было две комнаты. Первую, проходную, занимали Гринберги. Сразу же отгородили двери, сделали как бы маленькую прихожую, из которой одна дверь вела в комнату к Гринбергам, а другая в нашу комнату. Это была большая угловая комната с четырьмя окнами, её тоже перегородили. В первой, проходной жили дедушка с бабушкой и Ляля - дочь бабушкиной сестры - тёти Розы Вербальской, во второй, большей, жили папа, мама, Лёва и я. В доме было паровое отопление и, видимо, из-за поликлиники, топили очень хорошо, всегда был свет, но счётчика, как во всех остальных домах, не было. Можно представить, что у нас были очень хорошие условия, по сравнению со всеми другими. Папа был назначен начальником строительства на знаменитом Мотовилихинском заводе, директором которого в то время был Быховский - прекрасный руководитель, после войны его наградили и сняли с работы. Папа строил новые цеха, на работу надо было ездить или на машине, или на поезде - так растянулся завод вдоль берега Камы. Папа работал очень много, неделями не приходил домой, в кабинете у него была раскладушка, там он и спал. Он очень похудел, иногда в шутку, он ставил рядом меня и Лёву, расстёгивал старый пиджак - мы помещались в нём втроём. Но когда он бывал дома, он обязательно интересовался нашими занятиями - проверял

тетради и, т. к. мы почти всё время болели и не ходили в школу, задавал нам задания, и мы даже опережали одноклассников.

Уже со второй зимы папа, как начальник, стал получать специальный паёк, это очень помогло всей семье. У папы была бронь, и его не брали на фронт, но я знаю, что он писал заявления, чтобы его взяли в армию. Как только была прорвана блокада, папа перевёлся в Ленинград. Он уехал, кажется, весной или летом 1944 года и стал работать главным инженером строительного треста, который восстанавливал разрушенные дома, а потом и строил новые. Среди папиных работ того времени дома на Пестеля - против Пантелеймоновского собора; наш бывший дом на Рылеева, последние дома на Щемиловке, там же небольшие дома, которые строили немецкие пленные и другие здания. Папа работал также очень много и иногда засыпал за столом, уронив голову на руки, лежавшие на столе. Он уже начал плохо себя чувствовать, у него стало очень высокое давление, он даже ездил в 1947 году в санаторий в Кисловодск. Вскоре прибавилась и тяжелейшая болезнь - полиартрит. Боли бывали такими сильными, что папа с трудом мог сам одеться, ему было трудно держать ложку, трудно писать, но никогда папа не ныл, не жаловался, всегда входил в дом с улыбкой. Мама старалась помочь ему, как могла. Из больницы, где работала мама, приходила старенькая, маленькая массажистка и удивительно крепкими ручками массировала папе плечи и руки. Каждый год папа с мамой ездили на курорты. Они были в Кемерово, Трускавце, Мацесте и других, пока, совершенно случайно, не попали в санаторий "Горячий ключ". И после этого у папы совершенно прошли боли. Конечно, согнутые суставы уже не разогнулись, но он не мучился больше, и потом они с мамой ездили просто путешествовать.

Когда папа вернулся в Ленинград, наши комнаты были заняты. В квартире оставалась жить только тётя Лёля, но мебель сохранилась у людей, которые жили в нашей комнате. К нашему возвращению папа получил временно очень большую комнату в мансарде дома №16 по Моховой. Комната, была такой большой, что из неё выделили по две маленьких комнаты-купе у входа - спальни для папы с мамой и для бабушки и дедушки, а в оставшейся большой комнате с тремя окнами спала я, и это была общая комната. Ночь с 8-го на 9-е мая мы не спали, я

сидела на подоконнике, мы всю ночь ждали объявления об окончании войны. Какое же было ликование, когда, наконец, мы услышали приказ.

Когда мы возвратились в феврале 1945 года, вода не поднималась до 6-го этажа, и мы ходили с ведрами во двор соседнего дома в прачечную, но это было очень недолго. Город был странно пустой, я только начинала знакомиться с ним сама, ведь до войны меня никуда не пускали одну. Это было волшебное лето - пустынные площади, тихие улицы светлыми вечерами и иногда какие-то всплески необычного. Самым замечательным был день, кажется, в конце июня, когда по городу шли вернувшиеся с войны полки. Накануне от школы дали машину, и мы нарвали большие охапки полевых цветов. Солнечным утром масса людей стояли вдоль улиц, по которым должны были идти войска. Наконец они показались. Усталые, пропыленные, шли медленно, и к ним всё время подбегали люди и протягивали цветы. Шел танк, броня которого была вся в цветах. Как все радовались! Это был настоящий праздник окончания войны.

Нам предлагали несколько квартир в домах, которые восстанавливал папин трест, и наши остановились на квартире в доме №26 по ул. Рылеева. Помню, как мы первый раз пришли туда вечером. Квартира показалась такой большой, свет от уличных фонарей освещал комнаты, и мне сразу понравилась комнатка при кухне, она должна была стать моей. Но радость наша продолжалась недолго. Довоенные жильцы одной комнаты доказали в суде, что именно эта комната не была разбомблена, и квартира наша стала коммунальной. В комнате поселилась семья Слевичей, с которыми мы жили вместе до 1965 года, когда построили кооперативную квартиру, в которую переехали Слевичи, и мы снова жили одни. Но папа, к сожалению, почти не порадовался этому.

Примерно в 1948 году папа из треста перешёл снова в Гидроэнергопром и стал проектировать заводы в самых равных городах страны: в Новосибирске, Пскове и т. д. В Ленинграде по его проекту построено в частности ВНИИЭСО, где работал Ваня.

С годами папе всё тяжелее становилось ездить в командировки. Раз он заболел в Пскове пневмонией, лежал в больнице, а мама работала и не смогла приехать к нему.

В это время появился Митя. Папа не мог встретить нас всех из роддома, он лежал в больнице у мамы с сердечным приступом. Он работал ещё год, а потом вышло постановление, что работающие пенсионеры не могут получать пенсию, да и дома было не с кем оставлять Митю, и папа решил, что для него будет лучше не работать и помочь с Митей. Он очень трогательно возился с ним, кормил, ходил с ним гулять. Как раз в это время я затеяла обмен с соседями, папа очень боялся, что это будет противозаконно, но я его уговорила. В марте соседи переехали, и папа с мамой заняли их комнату. Наконец-то, первый раз после моего рождения у них была своя отдельная комната. Как папа радовался этому!

Мы планировали большой ремонт летом, но в июле на даче в Мартышкино папе стало плохо с сердцем, и его на скорой увезли к маме в больницу. Оказался обширный инфаркт. Больше месяца мама не выходила из больницы, спала в

коридоре рядом с палатой, где лежал папа, потом папе стало лучше, и мама стала приезжать к нам на дачу ночевать. Дома шел ремонт, и я, навещая папу в больнице, привозила ему образцы обоев, советовалась, как что изменить. Папе становилось всё лучше, и в конце августа было решено его скоро выписать. Я была у него 30 августа, ремонт был уже

почти окончен, мы обсудили оставшиеся мелочи, и папа огорчённо сказал мне: "Знаешь, я первое время не смогу гулять с Митей". Я успокоила его, сказав, что это неважно.

Вечером 1 сентября 1965 года мы с Ваней заканчивали вешать в кухне новый шкафчик, когда позвонили из больницы и позвали маму, сказали, что папе стало плохо. С трудом найдя такси и оставив дома спящего Борю, мы поехали за мамой в Мартышкино. Было уже 12 часов. Мама сразу всё поняла, и мы поехали в больницу, но папу уже не застали в живых. Ему было только 69 лет, но его сердце не перенесло второго инфаркта. Для мамы это было непроходящей потерей, и у нас не стояло папиных фотографий - ей было больно смотреть на них. Мне

кажется, что при всей нашей любви к нему, мы до конца не понимали, какой это был чудесный человек, но мама это, конечно, понимала.

Рассказать о маме очень трудно. По моим представлениям, она была очень счастливой женщиной, но счастливой она была во многом, благодаря своему отношению к жизни. Она никогда никому не завидовала, никогда не стремилась делать карьеру, одинаково спокойно жила и в очень благополучных, и в очень скромных условиях, была с одной стороны очень сдержанным человеком, а с другой стороны очень нежной, очень любящей. В чём-то жизнь баловала её, но она не была избалованной. У неё не было подруг и какого-то общения вне семьи, но она находила в семье спокойствие и радость, также как и в немногих удовольствиях, которые у неё были: хорошие книги, тихие вечера, когда она читала, устроившись на диване с семечками, конечно, путешествия и самая большая радость в последние годы это внуки - Боря и Митя, с которыми у неё были на редкость хорошие отношения. Конечно, она любила свою работу, и, я думаю, она была очень хорошим врачом, внимательным, спокойным, доброжелательным. Как говорил один её больной: «Доктор, у вас за плечами стоит ангел». И в чём-то это было так.

Её детство было очень благополучным - с гувернантками, учебой в Аннен-школе, хорошим домом, с книгами, с театром, с прекрасным отдыхом зимой в пансионатах в Финляндии с финскими санями, коньками, ёлками, летом там же или в Гунгенбурге - велосипед, теннис, купанье. Летом 1914 года поездка всей семьёй в Германию, в Сопот. Началась война, границу переходили уже пешком, тётя Леля плакала из-за оставленной куклы, а мама и мальчики Крупниковы, с которыми она была дружна, смотрели во все глаза вокруг, подмечая перемены. В 1917 году дед отправил семью в Симбирск от петербургских беспорядков и голода. Мама пошла учиться в гимназию, которая затем стала "трудовой школой", а тётя Лёля осталась дома, т. к. она боялась заразиться тифом. Мама всегда охотно и хорошо училась. После окончания школы надо было отработать месяц на трудовых работах, и девушек послали в Киндяровку - бывшее имение Гончарова, которое он описал в романе "Обрыв". Мама рассказывала, что это был чудесный месяц, хотя я не знаю, над чем они там трудились.

Учиться дальше мама уехала в Москву. В Москве было голодно, и маме кроме продуктов дали живую курицу, которую мама на остановках прогуливала за веревочку по перрону, к удовольствию окружающих. Мама поступила на биологический факультет Московского Университета, а поселилась вместе со знакомыми: сёстрами Домье, тётёй Ниной и другими. В это время в Москве работали замечательные театры, билетов не было, т. к. на спектакли приводили рабочих и солдат бесплатно. Мама знала в некоторых театрах капельдинеров, которые за небольшую плату всегда пускали её и сажали на хорошие места. Конечно, при такой насыщенной театральной жизни было не до учёбы, которая к тому же не очень её интересовала, и на втором курсе маму отчислили, кажется к некоторому её облегчению. Вскоре после маминого исключения вся семья переехала в Москву, и началась история с Анрубатом.

Когда она бесславно окончилась, и баба Таня оказалась в Бутырках, мама каждый день носила ей передачи. Вскоре вышло постановление, что в институты будут принимать только лиц пролетарского происхождения, и мама не смогла продолжать дальше образование. Работать тоже было не устроиться, в стране была безработица, да и у мамы не было никакой специальности. Она очень переживала это, пыталась что-то предпринять - окончила курсы французского языка, вязала на маленькой вязальной машинке шапочки и шарфы, которые относил для продажи в какой-то магазин, но потом закончилась шерсть.

Наконец в 1926 году разрешили поступать в вузы всем, и мама на радостях подала документы в два медицинских института, в какой-то технический и в

Университет на японское отделение. Конечно, после такого большого перерыва в учёбе пришлось взять репетитора и много заниматься, но мама блестяще сдала во все вузы и выбрала 1-й мединститут. Она училась очень хорошо, у неё было на курсе несколько

подруг. Считалось, что хорошо сдать экзамен можно только, если им пожелает счастья баба Таня, и все обязательно заезжали перед экзаменами к нам.

Папины родные приняли маму в глубине души неважно, они считали, "что Лёвочка мог бы найти себе жену и получше, покрасивее". Мама всегда была удивительно красива какой-то внутренней, одухотворённой красотой. Кроме того её необыкновенно украшала абсолютная естественность поведения, никогда, ничего она не делала "напоказ". Она вышла замуж на втором курсе, и папа, который любил давать медицинские советы, смеясь, говорил, что он почти закончил вместе с мамой мединститут.

Когда мама кончила институт, ещё было трудно с работой, и мама какое-то время работала квартирным врачом, но потом родилась я, и мама больше года не работала, не могла расстаться со мной, хотя дома была бабушка и няня. Потом мама пошла работать в медсанчасть Металлического завода, но, видимо, ей хотелось чего-то другого и при первой возможности она ушла работать в 1-й Мединститут к профессору Лангу. Не знаю, кто порекомендовал маму Лангу, но знаю, что первые два года она работала бесплатно, только потом она попала в аспирантуру, а затем стала ассистентом на кафедре у Ланга. Георгий Фёдорович Ланг был главой русской терапевтической школы того времени, и из этой школы вышли все известнейшие терапевты страны.

Мама очень уважала его, и он тоже очень хорошо к ней относился и называл её «мой будущий профессор». Хотя после начала войны было нельзя менять место работы, но Ланг, узнав, что у мамы есть возможность поехать с эшеленом детей в качестве врача, сразу же разрешил ей перейти на эту работу, сказав: "Конечно, если Вы хотите уехать вместе с дочкой, Вам надо это сделать, но я не понимаю, почему Вы бежите от немцев? Неужели Вы не понимаете, что всё это пропаганда, немцы - культурнейшая нация". Ланг был немец, но тогда так думал не только он.

Когда мы вернулись из эвакуации, мама пошла к Лангу он хотел взять маму к себе в клинику, но у него не было свободных ставок, и он предложил маме поработать какое-то время без оформления и без денег. В 1945 году это было невозможно, и мама пошла работать в Больницу 25 октября, где она и проработала до 1980 года. Она ушла, когда ей было 79 лет и, смеясь, говорила, что она заработала 2 пенсии.

Мама никогда не стремилась быть начальником и, когда была им, как, например, в Перми, это никак не сказывалось на её поведении. В Перми мама была заведующей большой медсанчастью, одновременно вела приём и работала в призывной комиссии. Мама была очень хорошим врачом, но никогда не занималась частной практикой, хотя её многие об этом просили. Конечно, мама никогда не жила в нужде, и её запросы были очень скромными. В больнице она работала ординатором, постоянно отказываясь, стать зав. отделением, и когда она один раз согласилась, то вскоре она дала самую настоящую психическую реакцию, и папа настоял, чтобы она ушла на больничный, а затем категорически отказалась от заведования.

До пенсии мама практически ничего не делала дома, только изредка что-то покупала, но она умела создать в доме обстановку тепла и уюта, она всегда знала кому что подарить, она много читала и многим интересовалась, из домашних дел она только вышивала во время отпуска, это были какие-нибудь салфеточки, вывитые изящным стилем "ришелье"; отверстия в которых она аккуратно вырезала маленькими ножницами.

До войны у мамы всегда были портнихи, и она хорошо одевалась, хотя платьев было немного. Пока у неё был частный парикмахер, она носила короткую стрижку, но уже перед войной стала закалывать косу в пучок. Только в самые последние годы мама перестала делать маникюр, ещё долго маникюрши приходили к нам домой, а педикюр делала почти до конца. После войны, когда нам стала шить знакомая портниха, которая сама ничего не рекомендовала,

мамины платья уже не были красивыми, и она никогда ничего не могла мне посоветовать с одеждой и вообще мало обращала внимания, как я одета.

Мама была человеком редкого бескорыстия. В последние годы мама особенно сблизилась с Шурёной. После папиной смерти они путешествовали вместе в Среднюю Азию, на Кавказ и даже в Сибирь, до Байкала, где мама потрясла всю группу, забравшись под Красноярском на один из знаменитых красноярских столбов.

Последнее их путешествие было на пароходе по Волге и Каме, мама побывала снова в Перми, но, к сожалению, при походе в кунгурские пещеры она упала, повредила ногу и считала, что это послужило причиной последующего тромбофлебита. Вообще мама болела очень редко. После войны тромбофлебит был первой серьезной болезнью, она должна была долго лежать и потом с трудом начала расхаживаться. Она очень сгорбилась, видимо, это был остеопороз.

Когда маме стало за 70, я иногда предлагала ей оставить работу, а она говорила: «Почему? Я работаю с удовольствием и не очень представляю себе, что я буду делать дома». Она работала на полставки, имела по месяцу отпуска зимой и летом и очень помогала мне, когда надо было летом выехать куда-нибудь с Митей. Но в 1980 году летом её попросили на месяц позаведовать и кроме того вести на ставку больных. Это была колоссальная нагрузка, и мама не могла смотреть всех больных каждый день, смотрела только тяжелых, ориентируясь на данные полученные от сестер, и на жалобы больных. Оказалось, что сестры иногда писали температуру с потолка, и мама не посмотрела одну больную. На следующий день больная очень ухудшилась и вскоре умерла. Оказалось, что у неё была уже высокая температура, и начинался сепсис. Мама страшно переживала, и, хотя специальная комиссия пришла к выводу, что больная до этого была не в состоянии выжить, и мама не виновата, для мамы всё кончилось, она пришла домой и сказала: «Что ты скажешь, если я уйду с работы?». Я сказала, что буду только рада, и мама сразу же подала заявление, причём она не хотела больше работать ни дня.

Так же гармонично, как и всё, что мама делала, мама стала жить на пенсии. Она стала помогать мне с готовкой еды. Так как она не занималась этим раньше,

она старательно готовила сначала всё по книжкам. Она стала учиться вязать и связала Мите рыжие рукавицы и шарф, она ходила на лекции, причём, чтобы посмотреть фильмы с Гретой Гарбо, которая ей очень нравилась, она ездила по вечерам в ДК Кирова на троллейбусах с пересадками, в лектории она слушала лекции о современной архитектуре городов мира и с интересом пересказывала что-то нам. Одним летом мы съездили с ней на пароходе до Горького и обратно. Но в это время она стала болеть.

Большой радостью для неё стало рождение Лидуши и новая квартира Кати и Бори, которую она успела увидеть уже после ремонта. В последние годы мама жила летом на дачах с Шурёной и Юляшей в Ольгино, Зеленогорске и Лисьем Носу. Она уже тяжело ходила, боялась споткнуться и упасть, и большею частью выходила только когда я приезжала к ней, и мы потихоньку гуляли с ней по улице. Но дома она много помогала по хозяйству.

Так было и вечером 5 ноября 1987 года. Мы готовились к большому празднику - маминому дню рождения. В этот день у нас собирались все родные, бывало до 40 человек. Вечером накануне мы с мамой долго возились в кухне, готовя всё, что можно, заранее. 6-го утром я вышла в кухню, Иван уже ушел на работу, а мама, покормив его, сидела у стола. На плите было разлито молоко, валялась кастрюля. Я сердито спросила маму, что случилось, она молчала. Я подошла к ней, начала с ней говорить, она не отвечала и странно смотрела на меня. Я отвела её в постель и дала коробочку с её лекарствами. К моему ужасу она стала пригоршней есть какие-то таблетки. Я вызвала скорую и позвонила Нине. Скорая приехала, сделала укол, и мама уснула. Когда она проснулась, в первые минуты мне показалось, что она отошла, она стала разумно отвечать на мои вопросы, но, к сожалению, это продолжалось недолго. Последние её разумные слова, обращённые ко мне были: «Тусенька, прошу тебя ничего не делай». Больше она ни разу не назвала меня по имени, хотя ещё долго узнавала Митю и Борю, говорила: «Боренька, Митенька, дорогие мои», очень обрадовалась Шурочке. В январе начались сердечные приступы, Мите приходилось делать уколы, но её состояние становилось хуже с каждым днём, и 10 января мамы не стало.

Могу только повторить, мама была редким человеком, хотя нельзя сказать, что она жертвовала собой для других, она просто жила и могла быть счастливой, не требуя от жизни и других людей особенного, бесконечно любя близких, но не давая подавить себя.

История нашей семьи, которую мы можем проследить, к сожалению, только за короткий период с конца 19 века и до наших дней, в чем-то типична для своего времени и своей среды, а в чём-то необычайно индивидуальна, интересна. И было бы жалко, если бы наши дети и внуки не узнали её, тем более, что за последнее время жизнь очень переменилась, и мы оказались в разных странах, между нами границы, и, может быть, в силу разных обстоятельств, мы уже никогда не сможем собраться за одним столом, посмотреть друг на друга, рассказать и вспомнить о своих близких и уже дальних родных, и тогда эта компьютерная версия семейной истории будет единственным, что свяжет некогда большую родню. Наши ветви и веточки сейчас в России, Латвии, Германии, Израиле, Канаде, США. Может быть, дети и внуки тех, кто сейчас так далеко, даже не будут говорить по-русски, но и тогда, посмотрев на фотографии, они смогут сказать своим детям: "Смотри, это наши предки". И я надеюсь, так сохранится память семьи.

Спасибо Дмитрию Крупникову, который захотел воплотить эту идею в жизнь и сделал возможным её осуществление.

Воспоминания записали и оформили

Анастасия Кудрец и Валерия Мазур 2013г.